

Е Мэн смотрел в окно на бегающих и прыгающих по спортивной площадке людей. Погода сегодня стояла прекрасная: солнце светило мягко, не обжигая, и его лучи приятно согревали тело, отчего мрачное настроение, мучившее Е Мэна последние дни, немного рассеялось.

После разговора с госпожой Тянь в его представлении о самом себе появился некий оторванный от реальности сдвиг — ему вдруг показалось, что он тоже достоин любви и не является никому не нужным ребёнком. Пусть это осознание пришло слишком поздно и уже не могло исцелить глубокие раны в его душе, по крайней мере, он многое для себя уяснил: человек не волен выбирать, где ему родиться, зато в его власти решить, как прожить свою жизнь.

— Мэнмэн? Мэнмэн? — Ян Цзянь ткнул его пальцем в плечо. — Что с тобой в конце концов? Скоро уже средняя школа сдавать экзамены, как ты можешь постоянно витать в облаках? Что ты будешь делать на самом экзамене?

— А? Первомайские? Буду дома повторять материал.

Ян Цзянь замер:

— ...Ты пойдёшь повторять уроки вместе с нами?

— Можно и так, — ответил Е Мэн, доставая телефон и заглядывая в календарь. — Где вы договорились встретиться? Я сделаю пометку.

— В том кафе Лянмюань возле школы. Кроме тебя и меня, будут Лян Тин, Чжао Фань и Се Юаньюань.

— Угу. Когда и во сколько?

— Тридцатого и первого, оба дня в два часа дня. Кто придёт первым, тот занимает столики.

— Хорошо, понял. Позвоню тебе тогда.

— Ладно, я тогда пошёл.

— Угу, до завтра.

Только выйдя из учебного корпуса, Е Мэн издалека заметил бросающуюся в глаза фигуру Чэнь Жаня. Тот полуприслонился к каменному столбу у школьных ворот: на нём была чисто чёрная футболка и джинсы, обнажающие щиколотки; одной рукой он залез в карман брюк, а другой листах что-то в телефоне. В этот момент телефон Е Мэна зазвонил — на экране высветился незнакомый номер.

— Алло.

— Это мой номер, запиши.

Е Мэн опешил:

— Откуда у тебя мой телефон?

— Сходишь со мной пообедать — расскажу.

Е Мэн: «.....» Разве бывает ещё большая бесстыдность?

Жизнь показала: бывает.

— Иди сюда. Могу я составить тебе компанию за обедом.

Е Мэн молча сбросил вызов и быстрыми шагами направился к школьным воротам. Не успел он и рта раскрыть, чтобы отказаться, как услышал:

— Так сильно хотел меня увидеть? Шёл так быстро, я же никуда не убегу. Я вообще-то пришёл за тобой, и пока не увижу тебя, никуда не уйду.

Е Мэн: «.....» Ха? Я просто торопился домой, к тому же с такой показушной позой тебе лучше бы вообще не попадаться мне на глаза.— Смущаешься? — заметив, что Е Мэн молчит, Чэнь Жань решил, что тот смутился, и протянул руку, чтобы обнять его за плечи. — Если ты смущаешься уже от этого, то как же ты будешь жить дальше? Со мной рядом ты, небось, будешь краснеть круглые сутки.

— Убери руку, — проговорил Е Мэн и одновременно поднял руку, сбрасывая чужую ладонь со своего плеча. — Хватит так делать. Я же сказал: дай мне немного времени.

— А я уже говорил, что буду приходить за тобой каждый день, — с серьезным видом произнес Чэнь Жань, преграждая ему путь и упираясь обеими руками в его плечи.

— Чэнь Жань, тебе самому не надоело? Обещал дать мне время — и при этом вечно преследуешь меня.

— Я просто хочу каждый день обедать вместе с тобой.

— У меня на носу экзамены в старшую школу, у меня нет столько времени на обеды с тобой. Прошу, отойди, мне нужно домой.

Е Мэн попытался обойти его, но куда подростку было тягаться с ним? Ни сил, ни роста, ни такого же толстокожего упорства — Чэнь Жань наотрез отказывался уступать дорогу.

Чэнь Жань резким движением заключил его в объятия:

— Ты действительно так не хочешь быть со мной? Я тебе настолько противен?

— Пусти меня! — Е Мэн забился в его объятиях, но чем сильнее он сопротивлялся, тем крепче Чэнь Жань сжимал руки. — Да ты больной! Это же ворота школы! Ты потом сможешь отряхнуться и сбежать, а мне еще здесь учиться! Тебе-то плевать на свою репутацию, а мне моя дорога!

Чэнь Жань, похоже, осознал, как нелепо себя ведет, но даже несмотря на это, ему не хотелось отпускать человека, оказавшегося в его объятиях. Он еще не оправился от дрожи, вызванной тем, как Е Мэн только что говорил, уткнувшись лицом ему в грудь, поэтому опустил руки ниже и перехватил ладони того в свои:

— Тогда я провожу тебя до автобусной остановки, хорошо? — В его голосе прозвучала легкая нотка беспомощности.

— Тогда отпусти.

— Дойдем до остановки — и отпущу.

— Отпусти! — голос Е Мэн стал резче. — Повторяю еще раз: пус-ти ру-ки.

Игнорируя его протесты, Чэнь Жань крепко сжал его пальцы и зашагал прямо к остановке. Е Мэн не смог вырваться и так и позволил дотащить себя до места. У самой остановки Чэнь Жань на мгновение замер, после чего с явной неохотой разжал пальцы.

— Ты мне не противен, — произвел Е Мэн. — И я... Ты что творишь?

Услышав эти слова, Чэнь Жань внезапно с воодушевлением обнял его со спины:

— Правда, Мэн-Мэн? Я тебе не противен?

— Отпусти меня!

— Я только на минутку. Приедет автобус — и сразу отпущу.— Ты ещё хочешь слушать, что я тебе скажу? — Е Мэн понимал, что ему не вырваться из хватки, и произнес холодным голосом: — Если хочешь слушать, отпусти меня, а если нет — проехали.

— Говори. — Услышав, что дорогой его сердцу человек хочет о чём-то с ним поговорить, Чэнь Жань хоть и ужасно не хотел этого, но всё же выпустил его из объятий.

— Дело в том, что мы с одноклассниками... Ты не мог бы отодвинуться подальше и убрать лицо?

— Е Мэн говорил и одновременно пытался оттолкнуть лицо, находившееся от него меньше чем в двадцати сантиметрах. — Мы договорились с одноклассником повторить материал... Ты... Это...

— У меня есть время, я приду.

Е Мэн: «...» Разве я говорил тебе приходить? — Я не это имел в виду...

— А что ты имел в виду, скажи мне? Разве не в том смысл, чтобы я пришёл? Какой ещё тут мог быть смысл? — Чэнь Жань был несколько взволнован, на мгновение потеряв дар речи. Он говорил с невероятной скоростью, ему казалось, что он уже видит, как его любовь обретает

наконец тихую гавань.

Однако жизнь далеко не всегда оправдывает ожидания, и Е Мэн окатил его с головы до ног ушатом холодной воды:

— Я имел в виду, чтобы ты не приходил. Мы договорились повторять не в школе, тебе незачем ехать.

Е Мэн был уверен, что выразился предельно ясно, но он явно недооценил толщину кожи Чэнь Жаня, который легкомысленно протянул:

— Ты ведь переживаешь за меня, да, Мэн-Мэн?

Е Мэн: «...» Это у меня проблемы с выражением мыслей или у тебя с их пониманием?

— Ничего страшного, Мэн-Мэн, я хочу этого! — Чэнь Жань схватил его за руку и прижал к груди. — Я хочу прийти, только скажи мне адрес.

У Е Мэна яростно запульсировало в виске:

— Чэнь Жань, перестань. У меня и так накопилась куча проблем, от которых идёт кругом голова. Время по дороге в школу и обратно — единственная возможность дать мозгам отдохнуть. Больше не приезжай.

— Мэн-Мэн, я...

— Всё, хватит, я не хочу слушать. Автобус приехал, я поехал. — Е Мэн прервал его на полуслове, сразу запрыгнув в салон и не сказав на прощание ни единого слова.

Чэнь Жань с некоторой тоской смотрел на удаляющийся автобус и на сидевшую внутри зазнобу его сердца. Интуиция подсказывала ему, что это лишь юношеская застенчивость и гордость — по крайней мере, сегодня тот соизволил с ним поговорить. При этой мысли тоска тут же растаяла в лучах заходящего солнца, а на душе снова стало тепло.

— Алло, пап, это я, — Е Мэн набрал номер Е Цина. — Когда вы с мамой пойдёте оформлять документы?

— Ты что, хочешь, чтобы я остался бобылем?! Да на свете сыщется ли хоть один сын, который изо дня в день мечтает о разводе собственных родителей? — раздался из трубки разъяренный рев Е Цина. — Не забывай, в твоих жилах течет кровь твоего старика!

— Ох, правда? Ты еще помнишь, что в моих жилах есть и твоя кровь? За всю мою жизнь можно по пальцам одной руки пересчитать те разы, когда ты выполнял отцовский долг. Ты сейчас заводишь со мной разговор об отцовско-сынских узах? Совесть вообще есть?

— Е! Мэн! Я твой чертов отец, а не сын, а эта сука Тянь Сюэянь...

— Е Цин, выбирай выражения! Тянь Сюэянь — моя мать! У тебя нет права оскорблять ее! — Стоило Е Мэну услышать слово сука, как слепая ярость из груди мгновенно ударила в голову.

— Что, разрешено только вам вдвоем объединяться против меня, а мне и высказаться в ваш адрес нельзя? Надо же, в таком юном возрасте уже так ловко пользуешься двойными стандартами, чего ж ты добьешься, когда вырастешь, перевернешь всё вверх дном? — Даже через экран телефона чувствовалось помрачневшее лицо Е Цина.

— Как ты обращался со мной все эти десятки лет, как ты относился к моей маме — ты сам прекрасно знаешь. — Е Мэн замолчал и глухо произнес: — Я уже почти забыл твое лицо. Сам подумай, когда ты в последний раз возвращался домой?

Услышав это, Е Цин опешил:

— Хватит тут, блин, строить из себя жертву и разжалобить меня, на меня этот фокус не пройдет.

Человек раздражительный, вспыльчивый, мелочный и вечно угрюмый, он постоянно был недоволен окружающими и то и дело чувствовал себя оскорбленным. Именно таким сейчас и был Е Цин: он не выносил никаких мнений, противоречащих его собственному. Например, слова Е Мэна задели его за живое, задев самую уязвимую струну.

— Думай что хочешь. Раз вы больше не можете жить вместе, развод пойдет обоим на пользу, разве нет? — Е Мэн потер переносицу. Он решительно не понимал, в каком из сказанных им слов была хоть капля неправды.

— Хотите развода — пожалуйста, пусть она отдаст пятьдесят тысяч. И еще квартира: мне не нужна сама квартира, пусть выплатят деньгами. Выдайте мне всего двести тысяч — и я разведусь.

Бесстыдство отца было выше всякого понимания, и Е Мэн просто сбросил вызов. В памяти снова всплыл вчерашний разговор с госпожой Тянь.

За четырнадцать лет Тянь Сюэянь превратилась из избалованной девушки, не знавшей тяжелой работы, в измотанную житейской суетой и тяготами брака простую женщину, зажатую между тусклым будущим и горечью разбитых надежд. Женщины мастерски притворяются, будто у них всё прекрасно. Тянь Сюэянь была именно такой: даже когда её почти довели до безумия, и она балансировала на самом краю нервного срыва, она лишь жаловалась окружающим на пустячные бытовые мелочи, а настоящие, зияющие раны, в которые боялась заглянуть, всегда терпела молча, в одиночку.

Брошенная невзначай фраза: «Зачем ты вообще меня родила?» — ударила словно тяжёлый кулак, в один миг разбив её многолетнюю броню показного счастья. И когда эта иллюзия рухнула, осталась лишь израненная со всех сторон плоть и душа, наконец-то набравшаяся смелости взглянуть правде в глаза.

— Мам, — Е Мэн вернулся домой и увидел в прихожей туфли Тянь Сюэянь и дорожный чемодан. — Ты куда?

— К твоей бабушке, — отвечая сыну, Тянь Сюэянь продолжала собирать вещи. — Мы тут посоветовались с твоими дедушкой и бабушкой: эту квартиру мы оставляем тебе. Оформись на себя, когда тебе исполнится восемнадцать.

— Я звонил ему сегодня, — Е Мэн стоял на пороге её спальни, с бесстрастным выражением лица произнося: — Он сказал, чтобы ты дала ему двести тысяч...

— Чего?! У него ещё хватает наглости требовать деньги?! Я... — Тянь Сюэянь от злости едва не

задохнулась.

— Не переживай так, я просто бросил трубку, — Е Мэн вошёл в спальню и мягко погладил её по спине. — Найди адвоката.

— Я подумаю. — Тянь Сюэянь не знала, как поступить. Только сейчас она поняла, что оказалась куда менее хладнокровной, чем собственный ребёнок.

Уж так устроены люди: вечно поднимают панику, порой даже преувеличивают масштаб бедствия, а вещи, о которых, как им кажется, невыносимо трудно говорить или стыдно признаться, на поверку оказываются самыми обыденными.

В экономике существует теория «невозвратных затрат»: она гласит, что чем больше сил ты вложил в какое-то дело, тем сложнее от него отказаться. Тянь Сюэянь отдала этому браку больше десятка лет — свою молодость, деньги и даже вторую половину жизни, — поэтому выпутаться из всего этого было ох как непросто.

Однако то, что казалось Тянь Сюэянь непреодолимым, на деле, стоило лишь принять твёрдое решение порвать с прошлым, оказалось вовсе не таким сложным, как она себе воображала.

Множество семей в этом мире живут в каком-то уродливом извращении: одна сторона бесконечно и беспредельно требует всё новых благ, а другая без всяких пределов и условий позволяет с себя всё это сдирать. Е Цин был той самой стороной, что бесконечно тянула жилы, а Тянь Сюэянь — той, что беспринципно позволяла это делать.

И вот в подобных неравных отношениях одна сторона вдруг прозревает и желает вырваться из кабалы, в то время как другая, по-прежнему погруженная в привычный эгоизм, ощущает себя преданной. Человек забывает лишь об одном: в этом долгу перед ним никто.

— Не думай об этом, просто так он не отстанет, — сказал Е Мэн. — Его точные слова были такими: пусть даст пятьдесят тысяч, квартиру он оставлять не собирается, пусть выплатит разницу деньгами, всего двести тысяч.

— Ха, он ещё и на эту квартиру рассчитывает? — голос Тянь Сюэянь вдруг стал ядовитым. — Губа не дура.

— Мам, найди адвоката. Правда. Даже если не нанимать, хотя бы сходи на консультацию.

— Мэнмэн, ты лучше готовься к экзаменам и не забивай себе голову, мама сама разберётся. Вчера, когда мама обнажила перед тобой старые раны, твои слова «я тебя понимаю» исцелили боль, что точила меня долгие годы. Насчёт этой квартиры мы уже всё решили с твоими дедушкой и бабушкой — она непременно останется тебе, а ему не достанется и ломаного гроша. — Тянь Сюэянь сжала его плечи, заглянув прямо в глаза, и её голос зазвучал с

необычайной твёрдостью: — Мэнмэн, мама любит тебя. Просто запомни это, и больше ничего не нужно. Я родила тебя тогда потому, что любила, а не по какой-то другой причине. Просто все эти годы меня так давила жизнь, что я упускала тебя из виду... Прости меня, сокровище.

— Мам, — Е Мэн похлопал её по руке, лежавшей на его плече. — Я знаю. Я ведь помню, как раньше, когда я ходил в детский сад, ты приходила за мной, как бы сильно ни была занята. Помню, как среди ночи у меня поднялась высокая температура, и ты тащила меня на спине через три или четыре квартала, пока не поймала такси. На самом деле я всегда всё понимал. Просто потом я рос, а ты отдалялась от меня всё дальше и дальше, и я начал думать, что ты меня больше не любишь, что я тебе не нужен... В моих воспоминаниях вы то и дело ссорились — каждые три дня по мелочи, каждые пять из-за серьёзного дела, а раз в полмесяца дело доходило до драки. Раньше я не понимал, из-за чего вы ругаетесь, а когда подрос и стал понимать, вы перестали бывать дома... Я...

— Мэнмэн, мой хороший мальчик! — Тянь Сюэянь рывком прижала его к груди, одной рукой мягко поглаживая по спине, другой зарывшись в волосы на затылке, прижалась губами к его лбу, а её голос сорвался на рыдания: — Прости меня, прости, прости... Я думала, ты ещё мал и ничего не смыслишь, а ты, оказывается, всё это время всё знал...

Последний луч заката перед сменой дня и ночи пробился сквозь панорамное окно, косо падая в комнату. Замершие в объятиях мать и сын оказались в самом центре этого закатного сияния, словно изваяние под названием Опоздавшее счастье.

Чэнь Жань всю дорогу прокручивал в голове слова Е Мэна, пока до него внезапно не дошёл их истинный смысл. Что это ещё за куча головной боли, которая ждёт его впереди?

— Юэ Юэ, — Чэнь Жань набрал номер Юэ Ляофэна, и в его голосе прозвучала нотка суровости. — Пробей-ка мне, что там у них в семье за трудности в последнее время.

— У них? У твоего маленького Мэнмэна?

— Не болтай ерунды, кроме него, больше никому.

— ...Ладно, я нарою информацию и перезвоню.

— Подожди, — Юэ Ляофэн уже собирался сбросить вызов, как услышал из трубки чуть напряжённый голос Чэня Жаня: — Всё, что накопишь, скинь мне на почту.

— М? — Юэ Ляофэн растерялся. — Зачем?

— Просто так. Бери и скидывай.

— ...Ладно.

— Всё, вешаю трубку.

Отключившись, Юэ Ляофэн не находил себе места. Всё в этой ситуации казалось ему каким-то неправильным, поэтому он набрал Тан Цюаня: — Тан-Тан, как там Чэнь Жань познакомился с тем пареньком? Расскажи-ка ещё раз, мне кажется, с ним творится что-то неладное.

— Юэ Юэ, мы тут ничего не можем поделать. Чэнь Жань воспринимает этого пацана исключительно как Маомао.

— Синдром компенсации?

— Синдром замещения, кретин.

— Скучает по Маомао и пытается восполнить утрату?

— Пару дней назад я случайно заглянул в его корзину интернет-магазина и спросил о ней. Знаешь, что он мне ответил? Говорит, это всё вкусняшки для Маомао, Маомао любит одежду такого цвета... У него на уме и на языке один только Маомао.

— И ты ничего ему не сказал?

— Ты же знаешь паршивый характер Чэня Жаня, что я мог сказать? Юэ Юэ, мне кажется...

— Сегодня он попросил меня узнать, что за проблемы творятся в семье этого паренька.

— Ну так пробей для него. Из этой ситуации он должен выбраться сам. Может, когда его жажда компенсации наконец утихнет, он и отпустит прошлое.

— А если...

— Заткнись.

— Тогда... — помолчав, произнёс Юэ Ляофэн, — тогда я пойду копать информацию.

— Угу.

Два дня спустя Юэ Ляофэн по всевозможным каналам собрал всё, что удалось разузнать, и скинул архивом Чэню Жаню.

— Брат Жань, дела с его предками и впрямь дрянные. Я навел справки: его папаша —

законченный подонок, да и вся его родня под стать. Если выражаться современным языком, там вся семейка — сплошные переростки-инфантилы.

— Я знаю. Ты не знаешь какого-нибудь толкового адвоката по разводам?

— Брат Жань, вот такого точно нет. Может, спросишь у Тан-Тана, вдруг у него кто на примете?

— Юэ Юэ, как думаешь...

— М? Что насчёт чего?

— ...Да нет, ничего. — Чэнь Жань поспешно сбросил вызов, внезапно вспомнив про Маомао.

Маомао учился в докторантуре университета D и всегда был гордостью и надеждой всей семьи.

Однажды, по счастливой случайности на научной конференции, благодаря рекомендации ректора, он познакомился с отцом Чэня Жаня — Чэнь Шужэнем, который заменял на том мероприятии мэра.

Чэнь Шужэнь с первого взгляда проникся к Маомао симпатией: утончённый юноша, улыбающийся тепло и лучезарно, с мягким, льющимся ручьем голосом. После нескольких бесед тот и вовсе вызвал у него искреннее восхищение. В тот же вечер, по окончании конференции, Чэнь Шужэнь пригласил его на следующий день вместе с ректором посетить закрытую вечеринку местной элиты, желая представить юношу нужным людям. Но Маомао отказался, сказав, что в будущем мечтает стать хорошим учителем и надеется помочь ещё большим детям получить прекрасное начальное образование. Сила молодежи — сила страны, рассуждал он, и когда базовое образование выйдет на новый уровень, таланты будут рождаться из поколения в поколение, делая державу только краше. Такое под силу не бизнесмену, а лишь педагогу.

Именно эти слова заставили Чэнь Шужэня принять волевое решение: возложить на него тяжкое бремя домашнего учителя этого демона во плоти — Чэня Жаня.

В самый первый день, когда Маомао появился у них дома, Чэнь Жань без лишних слов развернулся и пошёл прочь, бросив напоследок многозначительную фразу: — Прошлый парень по фамилии Ли продержался меньше трёх часов и больше сюда не совался.

Лицо Чэнь Шужэня, разумеется, помрачнело, но сын уже подросток, а устраивать скандал при посторонних не стоило. Мужчина лишь выдавил улыбку и повернулся к гостю: — Не обращай внимания, Сяо Мао, этот паршивец просто избалован матерью, но парень он неплохой.

— Что вы, секретарь Чэнь, о чём вы говорите.

Маомао подошёл к двери спальни Чэня Жаня, постучал и мягко произнёс: — Чэнь Жань, я вхожу.

<http://bllate.org/book/22523/2378813>